
ВИКТОР СИНГХА
ПРЕСТУПНИК

# Виктор Сингха
# Преступник

*https://litres.ru/75017432*
*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Десять лет Артём Воронцов провёл за решёткой за убийство, которого не совершал. Освободившись с семьюстами рублями в кармане и клеймом убийцы, он возвращается в Москву — в мир, который давно научился жить без него.

Единственный человек, который все эти годы верил в его невиновность, — бывший следователь Марина Зайцева, поплатившаяся карьерой за попытку спасти Артёма. Но едва он переступает порог её подъезда, прошлое наносит новый удар. На лавочке его ждёт безымянный конверт со снимком бизнесмена Виктора Авдеева — того самого человека, за чью смерть Артём отсидел свой срок.

На обороте фотографии лишь одна фраза: «Ты сидел не за своё преступление. Но преступник — это ты». Кто-то точно знал, где и когда появится освободившийся зэк. И теперь Артёму предстоит выяснить, кто стоит за этой игрой — и в чём на самом деле заключается его вина.

# Преступник

**ПРЕСТУПНИК**
**Роман**
**Под редакцией Князя Карпа**

Автоматические ворота тюрьмы «Чёрный Бор» открылись с лязгом, который Артём Воронцов не слышал десять лет и надеялся не услышать никогда.

Первое, что ударило — не свет, не воздух, а запах. Мокрый асфальт, отработанный бензин, мокрая листва. Запах свободы пах так же обыденно, как всё, что теряешь безвозвратно.

Артём стоял на крыльце в куртке, которая была ему велика, и держал в руках прозрачный пакет с вещами: бритва, мыло, потрёпанная книга Хэммета, которую он перечитал раз сорок, и фотография матери — единственная, которую ему удалось сохранить. Мать умерла на четвёртом году его заключения. Ему сказали об этом через неделю после похорон.

Он сошёл по ступеням. Охранник за спиной сказал что-то вроде «удачи», но Артём не обернулся. Не потому, что не хотел, — потому что боялся, что обернётся и увидит в глазах охранника то, что видел все эти годы: убеждение, что

он убийца.

Дорога от тюрьмы до автобусной остановки шла через сосновый лес. Начался октябрь, и хвоя лежала на дороге рыжим ковром. Артём шёл и смотрел под ноги. В кармане — семьсот рублей, которые выдали при освобождении, и паспорт, в котором его улыбающееся фото двадцатидвухлетнего парня казалось снимком другого человека.

Ему было тридцать два. Десять лет он отвечал на вопрос «за что сидишь?» словами «я не садился». Так это и звучало: не «я не виновен», а «я не садился». Будто он всё это время стоял. И в каком-то смысле так оно и было.

Автобус до Смоленска шёл два часа. Артём сел у окна и смотрел на осенние поля. За десять лет изменилось всё: дороги, машины, вывески на заправках. Даже небо, казалось, стало другим — или он просто разучился его читать.

В Смоленске он пересел на электричку до Москвы. Билетов на семьсот рублей не хватало, но кассирша, тётка с крашеными ресницами, посмотрела на него — на бритую голову, на тюремную куртку, на руки, которые дрожали не от холода, — и сказала: «Садись, потом отдашь». Артём кивнул. Он разучился говорить «спасибо» — в тюрьме это слово стоило дорого.

В Москве Артём вышел на Курский вокзал и сразу потерялся. Не в смысле дороги — он хорошо знал город, — а в смысле существования. Люди шли мимо, не глядя. Никто не знал, кто он. Никто не знал, где он был. Он был невидим, и

невидимость ошеломляла.

Первым делом он пошёл к единственному человеку, который отвечал на его письма все десять лет — к бывшей коллеге, следователю Марине Зайцевой. Марина работала в прокуратуре, но после дела Артёма её перевели в районную юридическую консультацию, где она вела гражданские дела о наследстве и разводах. Артём знал, что это была цена за то, что она пыталась его защитить.

Марина жила на Рублёвском Шоссе, в девятиэтажном доме на седьмом этаже. Артём стоял под подъездом и курил — единственную привычку, которую он приобрёл в тюрьме и не собирался бросать, — когда заметил конверт.

Он лежал на лавочке у подъезда. Белый, без адреса, без марки. Просто конверт. Артём поднял его не из любопытства — от привычки. Десять лет он жил в мире, где любой предмет, который не на месте, означает опасность.

Внутри была фотография.

На снимке — мужчина лет пятидесяти, в дорогом пальто, с лицом, которое Артём узнал мгновенно. Виктор Авдеев, бизнесмен, владелец сети торговых центров. Тот самый, в убийстве которого обвинили Артёма. Тело Авдеева так и не нашли. Были только показания свидетелей, капля крови на рубашке Артёма и пистолет, зарегистрированный на него, из которого, по версии следствия, был произведён выстрел.

На обороте фотографии — аккуратный, машинописный текст:

*«Ты сидел не за своё преступление. Но преступник — это ты».*

Артём перечитал трижды. Потом ещё раз. Потом сел на лавочку и закурил вторую сигарету.

Он не чувствовал страха. Он чувствовал то, что в тюрьме называется «холодком»: когда понимаешь, что опасность рядом, но не знаешь, с какой стороны. Артём оглядел двор. Дети на качелях, старушка с тележкой, мужчина в спортивном костюме, который разговаривал по телефону. Никто не смотрел на него. Но кто-то знал, что он будет здесь. Кто-то положил конверт именно на эту лавочку, именно у этого подъезда, именно сегодня.

Марина открыла дверь и не сказала ни слова. Обняла, прижалась мокрым лицом к его бритой голове, и Артём почувствовал, что внутри него что-то треснуло — тонко, как осенний лёд. Он не заплакал. Он разучился и этому тоже.

— Ты ужасно выглядишь, — сказала Марина, вытирая глаза. — Заходи. Я сварю картошки.

За картошкой и чаем Артём показал ей конверт. Марина держала фотографию кончиками пальцев, словно она могла взорваться.

— Это напечатано на лазерном принтере, — сказала она. — Бумага обычная, конверт тоже. Отпечатков, скорее всего, нет.

— Текст напечатан на старой машинке, — сказал Артём. — Шрифт «Courier», литеры смещены. Это ручная пишущая

машинка, Марин. Их не производят лет тридцать.

— И зачем кому-то писать тебе на пишущей машинке?

— Затем, что этот «кто-то» хочет, чтобы я знал: это не случайность. Это послание.

Марина молчала долго. Потом сказала:

— Тёма, ты помнишь что-нибудь о той ночи?

Он ждал этого вопроса десять лет.

— Нет. Ничего. Последнее, что я помню, — как я вышел из офиса Авдеева. Потом — полиция, наручники, допрос. Всё, что между, — как вырванная страница.

— Может, тебе нужно просто жить дальше. Найти работу, квартиру. Забыть.

— Мне никто не даст забыть, — Артём кивнул на конверт. — Тот, кто это написал, не для того старался.

В первую неделю Артём снял комнату в Москве, в Люблино, у дальней родственницы, которая не задавала вопросов. Он получил подработку в юридической конторе — возить документы, — и начал собирать информацию о деле.

Десять лет назад всё выглядело просто: Артём Воронцов, молодой следователь, расследовал дела коррупционной направленности. Одно из дел касалось Авдеева — таможенные схемы, отмывание. В ночь на 14 октября Артём был на приёме у Авдеева в его загородном доме. Наутро Авдеев исчез. В кабинете Воронцова нашли пистолет, из которого стреляли, и каплю крови, совпадавшей по группе с кровью Авдеева. Три свидетеля — охранник Авдеева, водитель и сосед

по загородному участку — показали, что слышали ссору и выстрел. Артёма арестовали, суд признал его виновным, тело не нашли, но показания свидетелей и улики сочли достаточными.

За десять лет Артём не помнил ничего из того вечера. Он помнил, что ехал к Авдееву. Помнил, как остановился у ворот усадьбы. Дальше — пустота.

Он начал с охранника. Олег Приходько, пятидесяти двух лет, работал в охранной фирме «Щит-Плюс». Артём нашёл его адрес по старым базам, которые Марина ему добыла. Приходько жил в Балашихе, в доме напротив школы. Но в квартире никого не было. Соседи сказали, что Приходько переехал месяцев восемь назад. Куда — не знали.

Водитель Авдеева, Борис Лукашин, по тому же адресу оказался в больнице — инсульт. Артём поехал в больницу. Палата, капельница, старик с вялым взглядом. Артём сел рядом и спросил:

— Борис Петрович, вы помните ночь четырнадцатого октября? Десять лет назад.

Лукашин посмотрел на него, и в глазах мелькнуло что-то — узнавание или страх, — но тут же погасло. Он сказал тихо, невнятно:

— Не помню. Ничего не помню. Кто вы?

Артём вышел из больницы и почувствовал «холодок» сильнее. Первый свидетель исчез. Второй — не мог говорить. Оставался третий — сосед.

Сосед, Валерий Зотов, жил в том же загородном посёлке. Артём поехал туда на электричке и автобусом. Дом Зотова стоял на окраине посёлка, за рощицей. Дверь открыла женщина — жена Зотова, как выяснилось. Она была бледна и держалась за дверной косяк так, будто без него упала бы.

— Валерия нет, — сказала она.

— Где он?

— Пропал. Два месяца назад ушёл в магазин и не вернулся. Полиция ищет. Точнее, не ищет.

Все трое свидетелей — исчезли, впали в кому, пропали. Не одновременно, не одномоментно, но в течение последнего года. Артём сидел на остановке и курил, глядя, как по мокрой дороге едет грузовик. Он понимал: кто-то убивал свидетелей. Медленно, методично, как врач убирает инструменты после операции.

Вернувшись домой, Артём обнаружил, что дверь в его комнату в Люблине была открыта. Он помнил, что закрыл её. Внутри всё было на местах — кроме одного. Его книга Хэммета лежала не на тумбочке, а на кровати, раскрытая. На странице, которую он не читал, был подчёркнут фрагмент:

*«Когда человека подвешивают за ноги и бьют, он в конце концов готов признаться в чём угодно. Вопрос в том, что он на самом деле сделал».*

Артём стоял в комнате и слушал, как капает вода из крана на кухне. Кто-то был здесь. Кто-то, кто читал Хэммета. Кто-то, кто подчёркивал текст ручкой — Артём увидел синюю

линию и понял, что ручка не его, у него была только чёрная.

Он положил книгу на место и сел на кровать. Руки не тряслись. «Холодок» сменился чем-то другим — сосредоточенностью. Десять лет в тюрьме он тренировал себя: не бояться, не злиться, не надеяться. Только видеть. И сейчас он видел, что кто-то играет с ним в игру, правила которой он не знает.

Артём решил начать с простого: найти человека, который отправил конверт. Пишущая машинка с шрифтом «Courier» и смещёнными литерами — это не так много, но это зацепка. Он позвонил Марине.

— Марин, мне нужна экспертиза. Текст на пишущей машинке. Можешь устроить?

— Тёма, я больше не работаю в прокуратуре. У меня нет доступа к криминалистической лаборатории.

— У тебя есть знакомая. Та, которая работала в ЭКУ. Вера Соколова.

— Откуда ты знаешь про Веру?

— Я следователь, Марин. Бывший, но не бывший настолько.

Марина помолчала и сказала:

— Ладно. Я попробую. Но, Тёма, будь осторожен. Кто бы ни написал это письмо, он знает, где ты живёшь, куда ходишь и что читаешь.

Артём повесил трубку. «Кто бы ни написал это письмо, он знает, где ты живёшь». Марина была права. Но она не знала

главного: конверт ждал на лавочке до того, как Артём к нему подошёл. Это значило, что его ждали. Не просто следили — ждали. Кто-то знал, что он выйдет именно в этот день, пойдёт именно к Марине, именно к этому подъезду. Кто-то знал это заранее.

Это могло означать только одно: конверт положили не после его освобождения, а до. Может быть, за день. Может быть, за неделю. Кто-то ждал его освобождения так же, как он сам.

Артём лёг на кровать и закрыл глаза. Впервые за десять лет он спал не за решёткой, но сон был таким же тесным: ему снился белый потолок, белый свет, и чьё-то лицо, которое он не мог разглядеть, — лицо, которое отворачивалось каждый раз, когда он пытался на него посмотреть.

Через три дня Марина позвонила и сказала:

— Вера посмотрела текст. Она говорит, что машинка старая, начала девяностых. Речь о модели «Олимпия». Дефицитная, коллекционная. В Москве таких, по её словам, не больше десятка.

— А где они?

— Вера не знает. Она сказала, что одна была у профессора Кравцова из МГУ, но он умер. Ещё одна — в музее истории техники. Остальные — частные коллекции.

— Мне нужен список этих коллекций.

— Тёма, ты не следователь. Ты не можешь ходить по квар-

тирам и спрашивать.

— Я и не буду спрашивать. Я просто посмотрю.

Артём провёл следующие два дня, объезжая владельцев олимпийских машинок. Это были странные люди — коллекционеры пишущих машинок, фанатики клавиш и литер. Они встречали его охотно, показывали свои собрания, говорили часами о тактильности печати. Но ни у кого не было машинки с тем износом литер, который описала Вера.

На третий день Артём нашёл последнего в списке — Виктора Полякова, семидесятилетнего пенсионера, жившего в коммуналке на Арбате. Поляков открыл дверь и сказал:

— У меня нет пишущей машинки. Я продал её.

— Кому?

— Не знаю. Мужчина пришёл, попросил продать. Я продал.

— Когда?

— Месяца два назад. Может, три.

— Как он выглядел?

— Обыкновенно. Рост средний, лицо обыкновенное. Я не запомнил.

Артём чувствовал, что Поляков врёт, — но не из страха, а из какой-то усталой привычки. Он врал так, как люди врут о том, что не считает важным.

— Вы не помните, но вы можете вспомнить, — сказал Артём тихо. — Он сказал что-нибудь? Зачем ему машинка?

Поляков помолчал. Потом:

— Он сказал, что пишет книгу. Детектив.

Артём вышел на Арбат и остановился. Дождь лил, мимо шли люди под зонтами, а он стоял и думал: кто-то купил пишущую машинку, чтобы напечатать одно письмо. Одно. Письмо бывшему следователю, который вышел из тюрьмы. Кто-то готовился к этому моменту месяцы.

Вечером Артём вернулся в свою комнату и обнаружил второй конверт. На кровати. Дверь была заперта. Он сам запер её. Но конверт лежал на подушке, будто его положили изнутри.

На этот раз внутри не было фотографии. Была только записка, напечатанная на той же машинке:

*«Свидетели — это нити. Обрежь их, и ткань распустится. Но ты не хочешь, чтобы ткань распустилась, Артём. Ты хочешь, чтобы она сшилась. А для этого нужны все нити. Даже те, которые ты сам обрезал».*

Артём положил записку рядом с первой и сел за стол. Он взял лист бумаги и начал писать. Не ответ — карту. Он рисовал связи: свидетели, Авдеев, пистолет, кровь, охранная фирма. Линии пересекались, обрывались, начинались заново. На одном из пересечений он написал «Воронцов А.» и обвёл кружком.

Кружок получился неаккуратным. Рука дрогнула. В первый раз за эти дни Артём почувствовал не «холодок» и не сосредоточенность, а страх. Потому что он понял: человек, который пишет ему письма, не просто знает о деле. Он знает

о нём больше, чем Артём. Он знает то, чего Артём не помнит.

А если Артём не помнит — это может значить, что его врагу есть что помнить.

**ГЛАВА 2**

Через месяц после освобождения Артём уже не искал работу. Он искал людей. Свидетелей по своему делу больше не было: один исчез, один не мог говорить, один пропал без вести. Но Артём нашёл другое — нить, которую не заметил никто: охранная фирма «Щит-Плюс», в которой работал свидетель Приходько, обслуживала не только Авдеева. Она обслуживала ещё два десятка бизнесменов, и у трёх из них в последние годы произошли странные события — пожары, кражи, исчезновения. Фирма закрывала их охраной, но никогда не фигурировала в расследованиях.

Артём копал. Ему помогала Марина, которой он доверял, и Вера, которой он не доверял, но у которой был доступ к базам. Он составлял схему, и схема росла: линии тянулись к людям, которые казались не связанными, но были связаны через фирму, через счета, через телефонные звонки.

А потом случилось вот что.

Тело нашли 15 ноября, в промзоне на востоке Москвы. Мужчина лет пятидесяти, в хорошем костюме, с пулевым отверстием в голове. Рядом — ничего. Ни документов, ни оружия, ни отпечатков. Только капля крови на стекле — на оконном стекле ближайшего склада, будто убийца коснулся

его рукой.

Патрульный, который обнаружил тело, вызвал следственную группу. Следователь — молодая женщина, Катерина Логинова — посмотрела на фото убитого и опознала его: Павел Гордеев, владелец ювелирной сети. Один из тех, кого Артём внес в свою схему.

Через два дня Логинова получила рапорт из криминалистической лаборатории. Почерк убийства полностью совпадал с делом десятилетней давности — делом Воронцова. Тот же калибр, то же расстояние выстрела, та же поза жертвы, даже капля крови на стекле — деталь, которую в своё время не публиковали.

Логинова набрала в поиске «Воронцов Артём Сергеевич» и увидела: освобождён месяц назад.

Артём узнал о новом убийстве не из новостей. Он узнал из телефонного звонка. Незнакомый номер, мужской голос:

— Воронцов, тебя ищут. Не полиция — хуже. Те, кто убил Гордеева. Они хотят, чтобы тебя нашли.

— Кто вы?

— Тот, кто знает, что ты не убивал Авдеева. И не убивал Гордеева. Но это не значит, что ты не преступник.

Голос замолчал. Артём стоял с телефоном у уха и слушал короткие гудки. «Но это не значит, что ты не преступник». Те же слова. Другой голос, но те же слова.

Он понял, что должен бежать. Не от полиции — от тех, кто подставил его. Новое убийство было сигналом: его снова

ловили в сети, и сеть была сплетена заранее.

Марина спрятала его у подруги на окраине Москвы. Артём сидел в маленькой комнате, окружённый горшками с фикусами, и думал. Он думал не о бегстве — о Лидии.

Лидия Кондратьева. Имя он нашёл в материалах дела, которые Марина скопировала ещё десять лет назад. Лидия была домработницей Авдеева. В ночь исчезновения она была в доме. Она видела, что произошло. Но на допросе Лидия ничего не сказала. Просто молчала. Следствие не давило — тогда не принято было давить на свидетелей, которые молчали. Её отпустили.

Лидия исчезла из Москвы через месяц после ареста Артёма. Прописка — Смоленск. Родители — умерли. Адрес — старый.

Артём поехал в Смоленск.

Смоленск встретил его серым небом и колокольным звоном. Артём шёл по улице Большая Советская и чувствовал, что город помнит его, — не потому что знал, а потому что Артём родился здесь. Двадцать лет назад. До Москвы, до следственного комитета, до тюрьмы.

Адрес Лидии оказался адресом её тётки — женщины семидесяти лет, которая жила в хрущёвке на улице Попова. Артём постучал. Дверь открыла тётка — маленькая, сухая, с глазами, которые смотрели так, будто видели насквозь.

— Лидии здесь нет, — сказала она, не поздоровавшись.

— Я знаю. Я ищу её. Это важно.

— Все говорят, что важно. А Лидия не хочет, чтобы её нашли.

— Я не полицейский. Я не причиню ей вреда.

— Ты — Воронцов, — тётка сказала это так, будто пробовала слово на вкус. — Она рассказывала про тебя.

— Что она рассказывала?

— Что ты не убивал. Что в ту ночь был кто-то ещё. Но она не скажет этого полиции. Она не скажет никому. Она боится.

Артём ждал. Тётка молчала. Потом:

— Она в Десногорске. Работает в школе. Учителем. Не спрашивай адрес — я не знаю. Но если ты найдёшь её, скажи: тётя Зина прислала. Она поймёт.

Артём поехал в Десногорск — городок в ста километрах от Смоленска, родина одноимённой АЭС. Лидию он нашёл в школе № 3, где она преподавала русский язык и литературу. Ей было тридцать пять, но выглядела на сорок. Тёмные волосы, собранные в хвост, серый свитер, отсутствие макияжа. Она увидела Артёма в коридоре школы — он стоял у стены, мокрый от дождя, — и побледнела.

— Здравствуйте, меня прислала тётя Зина...

— Я знала, что ты придёшь, — перебила она.

Лидия жила в маленькой квартире на третьем этаже. Окно выходило на школьный двор. На подоконнике — герань, на стенах — фотографии учеников. Ничего лишнего.

— В ту ночь, — начала Лидия, — Авдеев принимал го-

стей. Не приём, скорее встреча. Два человека. Одного я знала — Сергей Миронов, ваш напарник. Он бывал у Авдеева раньше. Второго я не знала. Высокий, в пальто, лицо я не видела — он стоял спиной.

Артём замер. Сергей Миронов, его напарник. Человек, с которым он работал пять лет. Которого считал братом.

— Миронов пришёл первым. Они с Авдеевым говорили в кабинете. Потом пришёл ты. Я открыла тебе дверь. Ты был... не такой, как обычно. Взгляд — будто ты не здесь. Я подумала, что ты выпил, но запаха не было.

— Что было дальше?

— Ты прошёл в кабинет. Минут через двадцать — крик. Громкий, короткий. Потом тишина. Потом — выстрел. Один. Я была на кухне, на втором этаже. Бросилась вниз. В коридоре — никого. В кабинете — Авдеева не было. Тебя — тоже не было. Миронова — не было. Только окно открыто и на стекле — кровь. Капля. Маленькая.

— Почему ты не сказала этого на допросе?

Лидия посмотрела на него прямо, без страха:

— Потому что на следующий день ко мне пришёл Миронов. И сказал: если я скажу правду, меня найдут в реке. И тебя посадят. Я промолчала, чтобы выжить. И тебя посадили. И я жила с этим десять лет.

Артём молчал. Он чувствовал, как внутри что-то рушится — не стенка, а фундамент. Сергей. Лучший друг. Человек, который приходил к нему на свидания в тюрьму, который

приносил сигареты и говорил: «Держись, Тёма. Я верю тебе».

— Ты помнишь что-нибудь из той ночи? — спросила Лидия.

— Нет. Ничего.

— Может, это и к лучшему.

Лидия рассказала ещё: после исчезновения Авдеева в доме остались записи. Не документы — камеры. Авдеев ставил скрытые камеры в кабинете и коридоре. Лидия знала, где находится блок хранения: маленькая подсобка под лестницей, за шкафом с инструментами. Она не трогала его, боялась даже дышать рядом. Но однажды ночью, когда дом уже стоял пустой, она пробралась туда и вытащила одну кассету — ту, что была сверху. Потом спрятала её в тайнике за доской в сарае. А наутро уехала из города.

— Я не хотела знать, что на ней, — тихо сказала Лидия. — Но и выбросить не смогла. Это ведь не просто запись. Это правда. А правда — как нож: если держать неправильно, порежешься сам.

Артём слушал, не перебивая. Он не просил её оправдываться. Он просто ждал, когда она сама дойдёт до конца.

— Где она сейчас? — спросил он, когда пауза стала слишком длинной.

Лидия встала, подошла к шкафу, отодвинула одну из полок. За ней была ниша, а в ней — потрёпанный пакет из супермаркета. Она достала его, положила на стол и сняла резинку. Внутри лежала VHS-кассета в прозрачном чехле. На

этикетке — аккуратная надпись: «14.10. Камеры 1–3».

— Это та ночь, — сказала она. — Я не смотрела. Ни разу.

Артём взял кассету. Пластик был холодным, края чуть потёртыми. Он повертел её в руках, будто пытался прочесть что-то по царапинам.

— Надо её посмотреть, — сказал он. — Но не здесь. В школе есть старый видеомагнитофон. Его используют на уроках истории. Если повезёт, он ещё работает.

Лидия кивнула, но в её глазах мелькнул страх.

— Ты можешь не идти, — мягко сказал Артём. — Я могу сделать это один.

— Нет, — она покачала головой. — Если там правда, я должна её увидеть. Я слишком долго пряталась от неё.

До школы они шли молча. Дождь кончился, но воздух был тяжёлым, будто небо ещё не решило, плакать ему дальше или нет. В школьном коридоре пахло мелом и старым деревом. Учительница, у которой хранился магнитофон, ушла на больничный, но ключи лежали в учительской, в ящике стола — Лидия знала это наверняка.

Через десять минут они уже сидели в пустом классе. На стене висел телевизор с толстым кинескопом, к нему был подключён видеомагнитофон. Артём вставил кассету. Экран мигнул, пошёл снег помех, а потом проявилось чёрно-белое изображение: коридор у лестницы, дверь в кабинет, угол стены. Время в правом углу — 23:17.

На записи было видно, как Артём входит в дом. Его лицо

— молодое, напряжённое, будто он сам не до конца понимает, зачем пришёл. Через несколько минут в кадре появляется Сергей Миронов. Он идёт быстро, почти бежит, оглядывается. Потом — резкий звук: хлопок, похожий на выстрел. Изображение дёргается, и на долю секунды в кадре мелькает ещё одна фигура — человек в тёмном пальто, лицо скрыто тенью.

А потом — самое страшное. Камера фиксирует, как Артём выходит из кабинета. Его руки в крови, взгляд пустой, как у человека, который только что проснулся от кошмара и не понимает, где он. Он проходит мимо камеры, не глядя в объектив, и исчезает из кадра.

Лидия закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Артём смотрел на экран, будто пытался вспомнить этот момент, но память отказывалась.

— Это не всё, — хрипло сказал он. — На кассете ещё есть.

Следующие полчаса они смотрели, как дом пустеет. Как Сергей возвращается, как стирает что-то с дверной ручки, как забирает какие-то бумаги. А потом — как он смотрит прямо в камеру, будто знает, что его снимают. И на секунду, на один короткий миг, его лицо становится не лицом друга, а лицом врага.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.